

УДК 821.161.1-3 (Платонов А. П.); 821.112.2-1 (Гете И.) ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,444+Ш33(4Гем)5-8,4

Фауст-концепт или «Фауст» Гете?

Об одной нерешенной загадке платоноведения

Е. Н. Проскурина
Новосибирск, Россия

Аннотация. В работе осуществляется проверка гипотезы о знакомстве Платонова с полным текстом «Фауста» Гете. Отсутствие описания полного круга чтения Платонова оставляет этот вопрос открытым. Подтверждение гипотезы проводится на основе литературного контекста, интертекстуального анализа и уликового метода Морелли-Гинзбурга.

Ключевые слова: творчество А. Платонова, Фауст-концепт, фаустовский сюжет, интертекстуальность, переводы «Фауста» Гете.

E. N. PROSKURINA. *Faust-concept or «Faust» by Goethe? On an unsolved riddle Platonov-science*

Abstract. The work is carried out to test the hypothesis of familiarity with the full text of Platonov's «Faust» by Goethe. No description of the full range of reading Platonov leaves this question open. Confirmation of the hypothesis is based on the literary context, and intertextual analysis method ulikovogo Morelli-Ginzburg.

Keywords: creativity Andrei Platonov, Faust-concept Faustian story, intertextuality, translation of «Faust» by Goethe.

При полнейшей убежденности исследователей в значении для Платонова «Фауста» Гете как одного из главных шифров его тайнописного языка¹, до сих пор остается не уточненным факт, что он был доподлинно знаком с полным текстом великой трагедии. Причиной такого зияния оказалось отсутствие исчерпывающего описания круга чтения Платонова. Более того, во всем творчестве писателя, включая его письма и записные книжки, нет ни одного упоминания как имени Фауста, так и имени Гете. Естественнее всего было бы говорить в подобной ситуации о работе Платонова с Фауст-концептом, тем более, что и сам писатель был человеком фаустианского сознания: наряду с художественным творчеством, делами его жизни были и мелиорация, и изобретательство и мн. др. Но главное — «заточенность» на фаустовском «вечном вопросе» истины. Однако при внимательном анализе платоновских текстов ситуация выглядит сложнее.

В круге неупоминаний трагедии Гете следует отметить одно исключение, касающееся неопубликованного очерка Платонова «Человек нашего времени» (1932), являющегося текстом-спутником повести «Ювенильное море», в финале которого появляется перифраза знаменитой реплики Мефистофеля: «Да, сера, товарищ, теория, но зелено вечное дерево жизни» [Новые материалы 2009: 268]. Это дало основание исследовательнице Н. И. Дужиной, комментатору очерка, заключить, что писатель читал трагедию в переводе Брюсова. В комментариях данной фразы указывается: «Слова

¹ «Платонов до тонкостей понимал „Фауста“, знал его исторический подтекст, его исторических прототипов, историю его рецепции и глубоко понимал диалектику произведения Гете» [Дебюзер 2000: 632], — пишет Л. Дебюзер.

Мефистофеля из поэмы Гете „Фауст” в переводе В. Брюсова: „Теория, мой друг, сера, но зелено вечное дерево жизни”» [Новые материалы 2009: 268]. Однако брюсовский перевод звучит иначе: «Сера, мой друг, теория везде, / Златое древо жизни — зеленеет» [Гете 1932: 93]. К тому же персонаж, которому принадлежит данная реплика, говорит ее «словами вождя». Приведем полностью финальный фрагмент:

Человек, ведавший выдачей заграничных паспортов, прочитав анкету Оганова, сказал вслух словами вождя:

— Да, сера, товарищ, теория, но зелено вечное дерево жизни.

Этим он хотел отметить диалектический лабиринт действительности, а затем дал Оганову визу на поездку за рубеж [Новые материалы 2009: 268].

Таким образом, гетевский текст вписан в очерке не в поэтический, а в идеологический контекст, что активизировало наши поиски первоисточника его перевода. Оказалось, что Платонов в данном фрагменте неточно цитирует «Фауста» в переводе Ленина: «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни» («*Grau, teurer Freund, ist alle Theorie, / Und grün des Lebens goldner Baum*» [Goethe 1989: 66] — дословно: «Сера, дорогой друг, вся теория, / А зелено жизни золотое древо». Перевод мой. — *Е. П.*). Цитата могла быть взята из ранней работы Ленина «Письма о тактике», относящейся к марту-апрелю 1917 г., где он, в частности, пишет: «Теперь необходимо усвоить себе ту бесспорную истину, что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты действительности, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь приближается к охватыванию сложности жизни. „Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни“. Кто ставит вопрос о „заключенности“ буржуазной революции по-старому, тот приносит в жертву живой марксизм мертвой букве. По-старому выходит: за господством буржуазии может и должно последовать господство пролетариата и крестьянства, их диктатура. А в живой жизни уже вышло иначе: получилось чрезвычайно оригинальное, новое, невиданное, переплетение того и другого...» [Ленин 1969: 134–135]. Контекст, в который помещена вождем пролетариата цитата из Гете, рифмуется с высказыванием платоновского героя о «диалектическом лабиринте действительности». Та же цитата повторена Лениным в статье «Как организовать соревнование», написанной в том же 1917 г., но опубликованной лишь в 1929-м — в

год пятилетия его смерти в 17-м номере газеты «Правда» от 20 января. Этот год ближе ко времени написания Платоновым очерка «Человек нашего времени», что делает более вероятным положение о том, что именно данная работа послужила источником цитирования в нем гетевского текста. Здесь возникает и еще одно предположение: возможно, что ленинский перевод слов Мефистофеля Платонов взял из доклада Н. И. Бухарина, прочитанном 21 января 1929 г. на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти Ленина «Политическое завещание Ленина». Однако названную цитату Бухарин приводит без ссылки на Ленина, как бы от себя: «Разумеется, действительный ход жизни, согласно мефистофелевскому изречению „Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни“, в действительности сложнее...» [Бухарин 1988: 423], — что понижает вероятность данной версии: ссылка на «слова вождя» в платоновском очерке оказывается немотивированной.

Вероятнее всего, Ленину данная фраза была важна не столько как цитата из «Фауста» Гете, пусть и довольно точно им переведенная, сколько как удачно используемый афоризм, который он любил повторять. Платонов (как и Бухарин) несомненно, знал ее первоисточник, тогда как его политически подкованный герой-простак, выдающий Оганову заграничный паспорт, — нет, потому-то и приписывает реплику вождю. Но и здесь ситуация выглядит не вполне однозначно. Цитирование Гете–Ленина человеком, ведающим выдачей заграничных паспортов, происходит после чтения им анкеты Оганова, в которой тот, в частности, признается, что «хотел вычистить весь пролетариат из буржуазии, а не наоборот, хотя знаю высшую математику»; в заключении же я опомнился и возвратился навеки на родину, в рабочий класс» [Новые материалы 2009: 268]. В то же время паспорт выдается герою «для разработки ряда вопросов в лабораториях Германии» [Новые материалы 2009: 268]. Напомним, что в «Ювенильном море» Вермо отправляется в командировку в Америку. Смена командировочного адреса в «Человеке нашего времени» в его сравнении с повестью образует в подтексте очерка смысловой слой, связанный с действием Раппальского договора о военно-промышленном сотрудничестве с СССР с 1920-го вплоть до 1933-го г. Договор «традиционно считался примером практического воплощения тезиса В. И. Ленина о возможности мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем» [Байков 2008: 4]. И фраза из «Фауста», произнесенная «проходным»

персонажем, приобретает новый смысловой обертон, реализовавшийся по принципу контрапункта с ленинской теорией несколькими годами позже в советско-германских отношениях в период Великой отечественной войны. В этом нам видится новая грань платоновского профетизма.

В реальной же жизненной ситуации финальный эпизод очерка явился для Платонова, на наш взгляд, тактическим приемом в его творческом поведении: апелляция к «словам вождя» могла хоть в какой-то мере послужить искуплением творческих грехов, таких как рассказ «Усомнившийся Макар», хроника «Впрок», подвергшихся жесткой критике в лице самого Сталина. Звучащая в словосочетании «слова вождя» номинативная неопределенность придает ему двойственный смысл, где в первую очередь возникают ассоциации с образом Сталина, на что, возможно, и рассчитывал Платонов. В самом очерке образ вождя также раздваивается: из чтения сталинских «Вопросов ленинизма» Оганов «понял, насколько мог, Ленина и Сталина» [Новые материалы 2009: 266]. Такое двоение образа вождя приобретает мефистофелевский отблеск: не случайно цитируемая сакраментальная фраза принадлежит у Гете не Фаусту, а Мефистофелю.

Все перечисленные контексты цитирования Гете в очерке «Человек нашего времени» не разрешают, однако, вопроса о том, читал ли Платонов полностью «Фауста», и если читал, то в каком переводе. До публикации очерка исследователями отмечалась единственная «прозрачная», с их точки зрения, текстовая отсылка к трагедии в черновой версии «Котлована» — сцена появления странника, поющего песню «Липа вековая» («Липа вековая / Над рекой шумит, / Песня удалая / Вдалеке звенит...»), соотносящаяся с песней гетевского Странника, воспевающего усаженный липами «кров счастливый» Филимона и Бавкиды: «Вот они, в красе тенистой, / Старых, крепких лип семья! / Кончив долгий путь тернистый, / Снова здесь их вижу я!» [Гете 2004: 476]. «Вдалеке звенящая» песня в «Липе вековой» действительно словно доносит через века голос немецкого поэта и его Странника. Но, на наш взгляд, это отнюдь не единичный случай непрямого диалога Платонова с Гете. Одна из причин сложности распознавания текстовых соответствий платоновских произведений и великой трагедии кроется в исследовательском выборе переводной версии «Фауста». Наиболее отчетливо межтекстовые переклички проступают при сопоставлении платоновских текстов с переводом трагедии, сделанным Н. А. Холодковским (1878 г.), в котором ее, вероятнее всего, читал

Платонов и который наиболее близок к оригиналу, в сравнении с более вольным и более поздним переводом Б. Пастернака, начатым в 1948 г. и завершенным в 1953-м, т. е. уже после смерти Платонова. Таким образом, сравнение с этим переводом, встречающееся в работах исследователей, является не вполне корректным. Вместе с тем, к началу XX в. уже существовал перевод «Фауста», сделанный А. Фетом (1883 г.), а также перевод отдельных сцен, выполненный А. В. Луначарским. Нас в данном случае интересуют наиболее известные варианты. Перевод же В. Брюсовым первой части «Фауста» был опубликован лишь в конце 1920-х гг.: в 1928 и переиздан в 1932 году. К этому времени Платонов давно уже погружен в фаустовский сюжет. Чрезвычайно показательным в плане выбора переводной версии «Фауста» в связи с творчеством Платонова оказывается эпизод из повести «Котлован» с ослабевшим рытьем Козловым, состояние которого в устах землекопа Чиклина передано так: «Кашляет, вздыхает, молчит, горюет — так могилы роют, а не дома» [Платонов 2000: 30]. Данная реплика перифразирует вопрос «одного из лемуров» в финальной части трагедии Гете в переводе Холодковского: «Кто строил тесный дом такой / Могильною лопатой?» [Гете 2004: 500], тогда как в переводе Б. Пастернака: «Кто строил заступом в песке / такой барак дырявый?» [Гете 1997: 752] — эта перифраза практически не слышна. В подобных довольно частых случаях «Фауст» действительно становится для Платонова «всеобъемлющим шифром тайнописи» (Л. Дебюзер). В данном определении точно отражено творческое кредо писателя, тщательно скрывающего «литературность» своих текстов, руководствуясь принципом «имеющий уши да слышит».

В связи с потаенной литературностью платоновских произведений атрибутировать присутствие фаустовской сюжетной парадигмы в структуре его произведений часто оказывается возможным лишь по мельчайшим, едва различимым характеристикам, кажущимся при поверхностном чтении ненужными излишествами, обращаясь к методу микропоэтического анализа текста, соотносимого с «уликовым» методом дешифровки произведений искусства Морелли-Гинзбурга [Гинзбург]. Приведем еще один пример, дающий представление о том, как тонко Платонов встраивает элементы фаустовского сюжета в поэтическую структуру своих текстов. Обратимся к эпизоду сожжения Родительских Двориков в «Ювенильном море». Вот как об этом рассказывает герой повести Кемаль отсутствовавшей во время пожара Надежде Бастолоевой: «Ты уехала... — и

мы втроем, — Кемаль показал еще на Вермо и Високовского, — мы сказали твоему старушечьему совхозу: прочь, ты не дело теперь! И не было его в одну ночь!» [Платонов 2009: 418]. Кодирующим претекстом этого эпизода служит сцена сожжения домика гетевских стариков, осуществленного ночью «тремя Сильными» по приказу Мефистофеля. В платоновском эпизоде совхоз также рушится «в одну ночь» по слову троих: Кемалья, Вермо, Високовского, — слову, приобретшему своей мгновенной деструктивной действенностью свойство дьявольской ритуальной формулы, магического перформатива. Показательно, что ключевым в этом перформативе выступает слово «дело», занимающее первенствующую роль в Фаустовом представлении о началах бытия. Так фаустовский порыв соединяется у Платонова с дьявольскими методами его осуществления. Подобного рода примеры можно продолжать. При таком подходе к платоновской поэтике через «уликовый» метод именно эти мельчайшие периферийные подробности оказываются носителями тайнописной истины, поскольку служат связующим звеном между частным событием и сферой универсальных явлений.

Таким образом, несмотря на отсутствие прямых архивных свидетельств, сами платоновские тексты выполняют их роль, становясь тем самым «недостающим звеном» в доказательстве гипотезы о том, что Платонов действительно не только читал, но и хорошо знал текст трагедии Гете. Обращение писателя к переводу Холодковского нам представляется в этом отношении наиболее вероятным.

ЛИТЕРАТУРА

Байков А. Ю. Советско-германское военное и военно-техническое сотрудничество 1920–1933 гг. Автореф. дис. ... канд. историч. Наук. М., 2008.

Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Изд-во политической литературы, 1988.

Гете. Фауст. Ч. 1. / Перевод В. Брюсова. Вступит. статьи П. С. Когана и А. Г. Габричевского. М., Л.: Гослитиздат, 1932.

Гете И. В. Стихотворения. Фауст / Пер. Б. Пастернака. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1997.

Гете И. В. Фауст. Трагедия. / Пер. Н. Холодковского. СПб.: Азбука-Классика, 2004.

Гинзбург К. Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-1895.html?page=2> (дата обращения: 10.04.2015).

Дебюзер Л. Тайнопись в романе «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4, юбилейный. По материалам четвертой международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. П. Платонова. 19–22 сентября 1999 года М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. С. 630–640.

Ленин В. И. Письма о тактике // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Изд. 5-е. Т. 31. М.: Изд-во политической литературы, 1969.

Новые материалы к истории текста произведений Платонова 1930–1931 гг.: «Котлован», «Шарманка», «Ювенильное море» / Статья и публикация Н. Дужиной // Архив А. П. Платонова. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

Платонов А. Котлован. СПб.: Наука, 2000.

Платонов А. Ювенильное море. Море юности // Платонов А. Эфирный тракт. Повести 1920-х — начала 1930-х годов. М.: Время, 2009. (Собрание).

Goethe I. W. Faust. Eine Tragödie // Goethes Werke: In 14 Bd. / Hrsg., textkritisch durchgesehen und kommentiert von E. Trunz. München: Verlag C. H. Beck, 1989. Bd. 3.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Проскурина Елена Николаевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск)

Адрес: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Эл. почта: proskurina_elena@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Proskurina Elena Nikolayevna, Doctor of Philology, leading researcher of the Literary Studies Section of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.